

**Алексей Феофилактович
Писемский**

**Сергей Петрович Хозаров и
Мари Ступицына (Брак по
страсти)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Алексей Феофилактович Писемский

Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына (Брак по страсти) / Алексей Феофилактович Писемский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 98 с.

ISBN 978-5-4241-2916-2

А.Ф.Писемский - один из значительных русских писателей гоголевского направления. Многие острокритические рассказы, повести, драмы писателя имели широкую известность среди современников и не утратили художественную ценность и в наше время.

ISBN 978-5-4241-2916-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Писемский Алексей
Сергей Петрович Хозаров и
Мари Ступицына (Брак по
страсти)

Алексей Феофилактович Писемский
Сергей Петрович Хозаров
и Мари Ступицына

Брак по страсти

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Мелкие натуры только претендуют на любовь
и неудачно драпируются плащом Ромео и Юлии.

В одном из московских переулков, вероятно, еще и теперь стоит большой каменный дом, на воротах коего некогда красовалась вывеска с надписью: "Здесь отдаются квартиры со столом, спросить госпожу Замшеву". Осеннее солнце, это было часу в десятом утра, заглянуло между прочим и в квартиры со столом и в комнате, занимаемой хозяйкою, осветило обычную утреннюю сцену. Госпожа или, лучше сказать, девица Замшева сидела перед столом и пила чай; перед нею, несколько в почтительном отдалении, стояла баба. Нельзя сказать, чтобы обе эти женщины, хотя и были освещены волшебным светом солнца, представляли живописные фигуры. Почтеннейшая хозяйка, девица с лишком за сорок, одетая в какой-то не совсем опрятный капот-распашонку, имела лицо страшно рябое и очень тоненькую и жидкую косу, которые обыкновенно называются мышинными хвостами. Костлявые руки девицы Замшевой, вообще немного плоской и худой, носили на себе остаток утренней возни с провизией. Про бабу и говорить нечего: это был какой-то грязный комок, комок, впрочем, плотный и здоровый.

- Так ты сделаешь суп из телятины, - начала хозяйка, - сосиски под капустой и зажаришь голубей да еще из вашей говядины выбери получше кусочек и свари щи и завари кашу.

- Всем всяво давать? - спросила баба.

- Опять всем; разве я тебе, глупая, не толковала, - возразила хозяйка, - во второй номер пошли всего и спроси, чего угодно. Сибариту дай только супу и сосисок. Феропонту Григорьичу пошли шей, сосисок и каши. В четвертый номер отошли только супу без телятины и кашу, да смотри, как можно меньше масла.

- Да вчера и то чуть не прибили, - заметила баба.

- Вот прекрасно, рассуждаешь еще! Не твое дело, - возразила хозяйка.

- Да ведь дерутся; этта черноволосый-то в кухню прибежал: лаялся, лаялся, ажно ухват схватил!

- Велика важность: ухват схватил, им же хуже! В пятый номер ничего не посылай, кроме супу: человек больной, ему диета нужна. В шестой номер пошлешь всего и спросишь: чего хотят, да голубей отправь парочку: он охотник.

- Не запомню, Татьяна Ивановна, вся ваша воля, не запомню, - отвечала кухарка.

- Ну, так и есть, перемешай опять.

- Вся ваша воля, памяти на алтын нет.

- Поди, этакий деревенский неуч! Еще не без чего четвертый год в Москве живешь, - возразила с сердцем Татьяна Ивановна. - Дай мне умыться, - сказала она и начала доставать из комода мыло, полотенце и угольный порошок. Кухарка между тем достала из-под кровати таз с огромным умывальником. Распустив совершенно капот-распашонку, Татьяна Ивановна первоначально натерла зубы угольным порошком, выполоскала их потом и вслед за тем принялась обмывать

руки, лицо и даже грудь. Почти целое ведро было издержано на омовение ее сорокалетних прелестей, которые потом, как водится, были старательно обтерты полотенцем, а кухарка отослана к исполнению ее прямых обязанностей. Оставшись одна, Татьяна Ивановна принялась убирать волосы. Приведя голову в порядок, она вынула из комода пузырек с белою жидкостью и начала оною натирать лицо, руки и шею; далее, вынув из того же комода ящичек с красным порошком, слегка покрыла им щеки. Украсив таким образом свое лицо и возложив на себя известное число юбок, Татьяна Ивановна, наконец, надела свое холстинковое, почти новенькое платье, и - странное дело, что значит женский туалет! Перед вами как будто появилась другая женщина; не говоря уже о том, что рябины разгладились, стали гораздо незаметнее, что цвет лица сделался совершенно другой, что самая худоба стана пополнела, но даже коса, этот мышинный хвост сделался гораздо толще, роскошнее и весьма красиво сложился в нечто вроде корзинки.

Одевшись совершенно, Татьяна Ивановна намеревалась приступить к подвигу хождения по нумерам для собирания денег с своих постояльцев.

Из последующих сцен мы убедимся, что это был действительно подвиг, подвиг трудный и редко сопровождающийся должным успехом. В эпоху предпринятого мною рассказа у девицы Замшевой постояльцами были: какой-то малоросс, человек еще молодой, который первоначально всякий день куда-то уходил, но вот уже другой месяц сидел все или, точнее сказать, лежал дома, хотя и был совершенно здоров, за что Татьяной Ивановной и прозван был сибаритом; другие постояльцы: музыкант, старый помещик, две неопределенные личности, танцевальный учитель, с полгода болевший какою-то хроническою болезнью, и, наконец, молодой помещик Хозаров. Татьяна Ивановна, как могли мы заметить из предыдущего ее разговора в отношении обеда с кухаркою, неодинаким образом третировала своих постояльцев. Она разделяла их на три класса: на милашек, на так себе и на гадких. К числу милашек принадлежали: двое помещиков и музыкант, который был, впрочем, тайный милашка, и о нем она даже мало говорила; к так себе относились: сибарит и танцевальный учитель; к гадким: две неопределенные личности.

Постояльцы, с своей стороны, именовали Татьяну Ивановну: почтеннейшая. Выйдя из своей комнаты, Татьяна Ивановна подошла к первому номеру, то есть к сибариту.

- Что, можно? - спросила она, приотворив немного двери.

- Можно, - отвечал голос изнутри.

- Да вы в постели?

- То есть я на кровати.

- Ну, так прикройтесь.

- Войдите, прикрывшись.

Для объяснения такого рода переговоров я должен здесь заметить, что малоросс, несмотря на громкое титуло сибарита, имел не совсем полный комплект утренних и ночных принадлежностей человека. Они ограничивались одною валяною шинелью, которую он обыкновенно подстилал под себя, не прикрывая себя сверху ничем.

Несмотря на уверения постояльца, что он прикрывшись, девица Замшева не верила и входила в комнату, стараясь быть к кровати жильца спиною, и в том же

самом положении начинала с ним вести дальнейшие переговоры.

- Я к вам.

- А что?

- Нет ли у вас денег?

- Увы! Татьяна Ивановна, совершенно нет.

- Да как же мне-то делать?

- Не знаю, моя почтеннейшая!

- Вы за три месяца не платили.

- Вы себя обсчитываете, почтеннейшая, с процентами больше, чем за три; что делать! Я бы вам сейчас отдал за четыре, но нема пенензы!

- Ах, какой вы смешной! Да что теперь я-то буду делать?

- Одно только: выслушайте меня, почтеннейшая Татьяна Ивановна! Неужели же вы думаете, чтобы я, имея деньги, отказал себе в трубке табаку; но я теперь не курю, следовательно, теперь у меня нет денег.

- А третьего дня на что в трактир ходили, и пьяный еще Матрену, бесстыдник этакий, обругал?

- Ах, Татьяна Ивановна! Не растревляйте раны! Это был сон, и сон прекрасный, но он миновался и сегодня не повторится.

- Да не со сна же вы опьянели? Где денег-то взяли?

- Денег у меня не было, но ко мне явился благодетельный гений и сказал: "Надень мой сюртук, мои калоши, пойдем в трактир, пей и ешь".

- Все вы лжете: откуда вам денег-то пришлют?

- Ну, это другой вопрос. Денег должны мне прислать, во-первых, отец, во-вторых, тетки, в-третьих, братья, в-четвертых, сестры.

- Да, вот так и ждите.

- Непременно пришлют!

- Ну, смотрите, больше нынешнего месяца не стану ждать, - отвечала Татьяна Ивановна и с тою же предосторожностью начала выходить из номера.

- Татьяна Ивановна, а Татьяна Ивановна! - кричал ей вслед сибарит. Пришлите мне сегодня обедать?

- Не знаю.

- Пришлите, пожалуйста, да чтобы суп-то был немного повкуснее, а то в простой воде больше жиру; хоть хлеба присылайте побольше.

Татьяна Ивановна на эти слова ничего не ответила и следующий за тем номер прошла мимо; в нем проживал секретный ее милашка, музыкант, она к нему никогда не заходила по утрам. В ближайший номер девица Замшева вошла без всяких предосторожностей, с выражением лица более веселым, совершенно добрым и несколько даже почтительным. В этом номере жил милашка - старый помещик, значительно толстый и сильно обросший усами и бакенбардами. Комната его по своему убранству совершенно не походила на предыдущий номер: во-первых, на кровати лежала трехпудовая перина и до пяти подушек; по стенам стояли: ящики, ящички, два тульские ружья, несколько черешневых чубуков, висели четверя московских шлей с оголовками и калмыцкий тулуп; по окнам стояли чашки, чайник, кофейник, судок для вин, графин с водкой и фунта два икры, московский калач и десяток редиски. Сам помещик, в толсто настеганном шерстяном халате, сидел перед новеньким огромным самоваром из красной меди и кушал чай. Сзади его лакей в домотканом чепане поправлял на оселке

бритву.

- Кто там? - закричал милашка-помещик, услышав скрип дверей.

- Хозяйка, - отвечал лакей.

- А!.. - произнес помещик. - Что скажете, голубушка? Не хотите ли чаю?..

Ванька! Подай ей чаю.

- Я пришла навеститься, хорошо ли вам.

- Ничего... идет; только клопов или блох много.

- Блохи, должно быть, беспокоили вас. Клопов здесь совершенно нет. Я вот здесь третий год живу, а никогда ни одного клопа в глаза не видала, отвечала Татьяна Ивановна. - Не знаю, как бы вам помочь в этом: крапивы разве под простыню положить? Говорят, это помогает.

- Ничего не надо, и так сойдет; а вот что, голубушка, супов-то мне своих не подавай: мерзость страшная.

- Я думала, что вы изволите любить.

- Какого тут черта любить! Вари мне щи, да и голубьями не изволь потчевать: я этой мерзости совсем не ем.

- Слышала, батюшка Ферапонт Григорьич, слышала: с сегодняшнего же дня велела готовить стол по вашему вкусу. У нас ведь нельзя-с, стоят больше иностранцы.

- Ну, иностранцев и корми супами; а мне этих помой не надобно.

- Слушаю-с, - отвечала хозяйка. - А вы, я вижу, еще покупочку сделали, - прибавила она, оглядывая комнату, - хомутики изволили купить?

- На целую четверню хватил, матушка. Ванька, покажи хозяйке хомуты. Ну, посмотри, во сколько оценишь?

- Не могу сказать, Ферапонт Григорьич: совершенно неопытна в конских вещах.

- Да ты посмотри, какой ремень-то, совершенный бархат.

- Вижу, батюшка, ремень отличнейший; но, признаться сказать, мне больше всего нравится шляпка, что для супруги изволили купить.

- Ха-ха-ха!.. Ты ведь думала, что я ее на Кузнецком купил?

- Да вы и то беспреренно на Кузнецком купили, по фасону видно.

- Ха-ха-ха!.. На Ильинке за двадцать пять рублей. Даром, матушка, что деревенщина, не надуют.

- А я было к вам пришла, Ферапонт Григорьич...

- А что?

- Да деньжонок...

- Вот тебе на! Я ведь тебе и то за целый месяц дал вперед.

- Нужно, батюшка, видит бог, нужно, ну, хочется, чтобы всем было покойно.

- Нет, мадам, больше не дам.

- Батюшка, Ферапонт Григорьич, не погубите, совершенно погибаю: все перезаложила, с позволения сказать, юбку третьего дня продала на толкучке.

- Да ведь и то я тебе задавал вперед.

- Благодетель мой, вы еще здесь пробудете. Сделайте божескую милость: дайте.

- Экая ведь ты нюня! Ну, на, десять рублей.

- Одолжите, благодетель, двадцать.

- Не дам, пошла вон! - закричал, осердившись, помещик. - Дармоеды этикие московские, - прибавил он вполголоса.

- Батюшка, Ферапонт Григорьич, нужда. Неужели бы я осмелилась вас беспокоить, если бы не крайность моя.

- Ну, ладно, прощай, мне бриться пора.

Татьяна Ивановна пошла.

Для объяснения грубого тона, который имел с Татьяной Ивановной Ферапонт Григорьич - человек вообще порядочный, я должен заметить, что он почтеннейшую хозяйку совершенно не отделял от хозяек на постоянных дворах и единственное находил между ними различие в том, что те русские бабы и ходят в сарафанах, а эта из немок и рядится в платье, но что все они ужасные плутовки и подхалимки.

В ближайшем номере помещались двое гадких ее постояльцев. В комнате их, как и в будуаре сибарита, ничего не было, кроме двух диванов, одного стола и стула. Эти два человека жили, кажется, очень дружно между собою и целые дни играли в преферанс, принимаясь за это дело с самого утра и продолжая оное до поздней ночи. По наружности они были частью схожи: оба были одеты в страшно запачканные халаты, ноги одного покоились в валеных сапогах, а у другого в калошах; лица были у обоих испитые, нечистые, с небритыми бородами и с взъерошенными у одного черными, а у другого белокурыми волосами.

Во время прихода Татьяны Ивановны они были за обычным своим делом, то есть играли в преферанс. Хозяйка вошла к ним в номер с физиономией гордой и строгой.

- А вы уж с раннего утра и за карты! И праздника-то на вас нет, греховодники этикие, - сказала она, подходя к столу.

На эти слова игроки ничего не отвечали.

- Ты в чем играл? - спросил один из них товарища.

- В червях - без одной, - отвечал другой.

- Нечего тут в червях; денег давайте лучше, - проговорила хозяйка.

- Купил, - сказал один игрок.

- Бубны, - перебил его партнер.

- Да что это, глухи, что ли, вы стали? Я пришла за деньгами.

- Пас и не приглашаю, - сказал игрок.

- Бесстыдники этикие! Еще благородные, а хотят чужой хлеб даром есть.

- Ну, ну, потише, почтеннейшая! - сказал один из постояльцев. - Куплю.

- Нечего потише... Что вы, племянники, что ли, мне, вас даром держать?

- Пикендрясы, - проговорил его товарищ.

- Да что я вам на смех, господа, что ли, далась? - сказала, начиная не на шутку сердиться, Татьяна Ивановна. - Сегодня же извольте съезжать, когда не хотите платить денег, а не то, право, в полицию пойду, разорители этикие!

Среди игры, среди забавы,

Среди благополучных дней!

запел один из игроков.

- Бескозырная, - прибавил он.

- Вист с болваном, - отвечал другой и тоже запел:

Среди богатства, чести, славы!

Татьяна Ивановна совершенно вышла из себя и плюнула.

- Провалиться мне сквозь землю, если я дам вам сегодня обедать; топить не стану; вьюшки оберу, разбойники этикие... грабители... туда же в карты играют: милостинками, что ли, друг другу платить станете? - говорила она, выходя из номера.

- Ваня, - сказал один из постояльцев, - гривенник есть у тебя?

- Есть, - отвечал другой.

- Ладно, а то, брат, дура-то не пришлет обедать.

- Ничего... Хлеба купим... Пики!

Между тем Татьяна Ивановна отправилась в другой номер, в котором проживал ее постоялец так себе - танцевальный учитель; он, худой, как мертвец, лежал на диване под изорванным тулупом.

- Что, вам лучше ли? - сказала, войдя, Татьяна Ивановна. Больной кивнул отрицательно головой.

- Да вы бы в больницу ехали.

- Завтра.

- Да что завтра? Вот уже третий месяц говорите все: завтра.

- Денег нет!

- Продали бы что-нибудь.

- Все уже продано.

- То-то и есть, все продано; денег нет, а еще рому покупали в семь рублей, да еще и пьяны напились.

- Для испарины.

- Да для испарины не допьяна пьют. Больной человек, а туда же кутите. Марфутка сказывала, что едва вас оттерла.

- Я всю бутылку выпил. Что делать? С горя!

- Ну, а мне-то как же? За целый месяц ни копейки не платили, а ведь, я думаю, я каждый день нарочно для вас суп варю.

- Дайте поправиться.

- Полноте с вашим поправлением. Ноги-то, я знаю, у вас хороши, да губы-то к вину очень лакомы. Нет ли хоть сколько-нибудь?

- Ни копейки нет.

Татьяна Ивановна махнула рукой и вышла из комнаты.

В соседнем номере проживал третий ее милашка. Мало этого: он был, как сама она рассказывала, ее друг и поверял ей все свои секреты. Занимаемый им номер был самый чистый, хотя и не совсем теплый. В самом теплом номере проживал скрытный ее милашка - музыкант. В то время, как Татьяна Ивановна вошла к другу, он сидел и завивался. Марфутка, толстая и довольно неопрятная девка, исправлявшая, по распоряжению хозяйки, обязанность камердинера милашки, держала перед ним накаленные компасы.

- А вы все франтите? - сказала Татьяна Ивановна, входя в комнату.

- С добрым утром, почтеннейшая! Прошу принять место и побеседовать, отвечал тот, старательно укладывая свои волосы в щипцы.

- Марфа вам нужна?

- Нет, я сам завьюсь... А что?..

- То-то, я хотела вам велеть кофею принести.

- Мерси, тысячу раз мерси, почтеннейшая. С большим удовольствием выпью, - сказал милашка, протягивая хозяйке руку.

- Для милого дружка и сережка из ушка, - сказала Татьяна Ивановна. Поди свари, - прибавила она, обращаясь к Марфе.

Та вышла.

Так как этот друг Татьяны Ивановны должен в моем рассказе играть главную роль, то я обязанным себя считаю поподробнее познакомить читателя с его наружностью, отчасти биографией и главными наклонностями. Сергей Петрович Хозаров, поручик в отставке, был лет двадцати семи; лицо его было одно из тех, про которые говорят, что они похожи на парижские журнальные картинки: и нос, например, у него был немного орлиный, и губы тонкие и розовые, и румянец на щеках свежий, и голубые, правильно очерченные и подернутые влагою глаза, а над ними тонкою дугою обведенные брови, и, наконец, усы, не так большие и не очень маленькие. Про прическу и говорить нечего: она была совершенно по моде того времени, то есть на теме приглажена, а на висках и на затылке разбита в букли. В лице его, если хотите, все было хорошо, свежо, даже правильно и гармонировало одно с другим; но в то же время чего-то недоставало, что вы желаете и любите видеть в лице человека. О подобных физиономиях существуют два совершенно противоположные мнения. Одни говорят, что это красавцы, миленькие, даже молодцы, мало этого, Аполлоны Бельведерские; другие же называют их смазливими рожицами, масками, расписными купидонами и даже форейторами, смотря по тому, какой у кого эпитет ближе на языке. О герое моем предоставлю вам, читатель мой, избрать какое будет угодно из вышеупомянутых мнений. Кроме своей приятной наружности, Сергей Петрович владел еще многими другими достоинствами. Служа в полку, он слыл за славного малого, удивительного мастера танцевать и вообще за человека хорошо образованного, потому что имел очень приличные манеры, говорил по-французски, владел пером и сочинял стихи, из коих двое даже были напечатаны в каком-то журнале, но главное - он имел необыкновенно много вкуса. При первой возможности молодой поручик так мило отделявал и меблировал свою квартиру, что приезжавшие к нему, разумеется, с мужьями, дамы ахали от восторга и удивления; экипаж у него был один из первых между всеми господами офицерами; жженку Хозаров умел варить классически и вообще с неподражаемым умением распорядился приятельскими пирушками и всегда почти, по просьбе помещиков, устраивал у них балы, и балы выходили отличные. Две только слабости имел молодой человек: во-первых, он был очень влюбчив, так что не проходило месяца, чтобы он в кого-нибудь не влюбился, и влюблялся обыкновенно искренне, но только ненадолго; во-вторых, имел сильную наклонность и большую в то же время способность брать взаимы деньги. Над первую его слабостью товарищи подтрунивали и называли его Сердечкиным, вторым же недостатком даже тяготились, особенно в последнее время, так как эта наклонность в нем со дня на день более и более развивалась. По выходе в отставку Хозаров года два жил в губернии и здесь успел заслужить то же реноме; но так как в небольших городах вообще любят делать из мухи слона и, по преимуществу, на недостатки человека смотрят сквозь увеличительное стекло, то и о поручике начали рассуждать таким образом: он человек ловкий, светский и даже, если вам угодно, ученый, но только мотыга, любит жить не по средствам, и что все свое состояньишко пропилеровал да пробарствовал, а теперь вот и ждет, не выпадет ли на его долю какой-нибудь дуры-невесты с тысячью душами, но таких будто нынче совсем и на свете нет. Конечно, читатель

из одного того, что герой мой, наделенный по воле судьбы таким прекрасным вкусом, проживал в номерах Татьяны Ивановны, из одного этого может уже заключить, что обстоятельства Хозарова были не совсем хороши; я же, с своей стороны, скажу, что обстоятельства его были никуда не годны. Именно его уже окончательно было продано, в Москву он приехал с двумя тысячами на ассигнации; но что значат эти деньги для человека со вкусом? Капля в море! В настоящее время Хозаров жил старым кредитом во всевозможных местах, где только ему верили. К Татьяне Ивановне он явился после не совсем приятной истории с m-г Шевалдышевым, у которого он первоначально стоял, и явился, как говорится, с форсом, а именно, в отличном пальто и с эффектной палкою, у которой на ручном конце красовалась позолоченная головка одного из греческих мудрецов. Первоначально он потребовал лучший номер, раскритиковал его как следует, а потом, разговорившись с хозяйкою, нанял и в дальнейшем разговоре так очаровал Татьяну Ивановну, что она не только не попросила денег в задаток, но даже после, в продолжение трех месяцев, держала его без всякой уплаты и все-таки считала милашкою и даже передавала ему заимообразно рублей до ста ассигнациями из своих собственных денег. Любить его, несколько корыстно для самой себя, она не смела и подумать, но чувствовала к нему дружбу и гордилась этим. Милашка же, с своей стороны, высказывал сорокалетней девице самые задушевные свои тайны. Что касается до помещения Сергея Петровича, то и оно обнаруживало главные его наклонности, то есть представляло видимую замашку на франтовство, комфорт и опрятность; даже постель молодого человека, несмотря на утреннее время, представляла величайший порядок, который царствовал и во всем остальном убранстве комнаты: несколько гравюр, представляющих охоту, Тальму {14} в костюме Гамлета, арабскую лошадь, четырех дам, очень недурных собой, из коих под одной было написано: "весна", под другой: "лето", под третьей: "осень", под четвертой: "зима". Все они развешаны были совершенно симметрично. В углу стояло что-то вроде горки, в которую было вставлено несколько чубуков с трубками, в числе коих было до пяти черешневых с янтарными мунштуками. На столе, перед которым сидел Сергей Петрович, в старых, но все-таки вольтеровских креслах, были размещены тоже в величайшем порядке различные принадлежности мужского туалета: в середине стояло складное зеркало, с одной стороны коего помещалась щетка, с другой - гребенка; потом опять с одной стороны - помада в фарфоровой банке, с другой - фиксатуар в своей серебряной шкурке; около помады была склянка с о-де-колоном; около фиксатуара флакончик с духами, далее на столе лежал небольшой портфель, перед которым красовались две неразлучные подружки: чернильница с песочницей. По одну сторону портфеля лежал пресс-папье, изображающий легавую собаку, который придавливал какие-то бумаги; с другой стороны находился тоже пресс-папье с изображением кабаньей головы; под ним ничего уже не было, и он, видимо, поставлен был для симметрии. Много еще было других предметов, обличающих стремление к модному комфорту; так, например, по стене стоял турецкий диван, под ногами хозяина лежала медвежья шкура, и тому подобное.

- Вы сегодня едете куда-нибудь? - спросила Татьяна Ивановна.
- Не знаю еще, - отвечал Хозаров.
- А вчера были там?
- Был.